

Matejko, L'ubor

Славянская гимнография : непочатый край и неожиданные открытия

Opera Slavica. 2002, vol. 12, iss. 1, pp. 1-11

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/117856>

Access Date: 19. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

СЛАВЯНСКАЯ ГИМНОГРАФИЯ: НЕПОЧАТЫЙ КРАЙ И НЕОЖИДАННЫЕ ОТКРЫТИЯ

Любор Матейко

В *Энциклопедии религии и этики* Дж. Хэстингса, своего рода самом солидном издании начала нашего столетия, отведено статье „Гимны“ ровно 58 страниц формата в четверть листа, мелкого шрифта и сжатого стиля. Очевидно стремление к полному охвату проблематики: речь здесь идет о гимнах шумеро-вавилонских, египетских, ведийских, буддийских, еврейских, японских, китайских, а также о гимнах кельтов и инков. Место здесь конечно имеют как древние христианские гимны сирские, ефиопские, греческие и латинские так и христианская гимнография французская, испанская и германская. Информация, на первый взгляд, чрезвычайно богатая, но все-таки, славист ищущий параграф о гимнах старославянских или церковнославянских, останется неудовлетворенным, его просто нет. Можно было бы ожидать хотя бы краткую справку о них в статье о гимнографии греческой и византийской, но и здесь ничего подобного не найдешь. Кажется, вполне уместен вопрос, почему же автор этой части статьи, отличный знаток литературы христианского Востока А. Баумштарк, не счел нужным заговорить о существовании огромного корпуса славянских гимнов?

Понятие „гимн“ трактуют авторы отдельных частей энциклопедической статьи различно и, следовательно, в целом получается довольно широкое понимание гимна. Оно стоит на грани таких определений как хвалебная, священная или религиозная песня и священная лирика. Авторы тех частей статьи, где говорится о христианской гимнографии, воспользовались, кажется, наиболее строгими критериями, которые в такого рода композиции предполагают три условия. Во-первых, гимн должен быть поэтическим – стихотворческим – произведением, во-вторых, это произведение должно быть предназначено для пения и, в-третьих, оно должно звучать в рамках обрядов религиозной общины. При последовательном применении этих критериев всеми авторами статьи едва ли можно было бы говорить, например, о гимнах буддийских, так как буддизм не знает

обрядов религиозной общины. С нашей точки зрения, все-таки более интересно, что при последовательном применении этих критериев едва ли можно было бы говорить в статье даже о христианских гимнах византийских, если бы энциклопедию создавали на пол столетия раньше – в середине 19-го в. еще никто и не подозревал, что византийские литургические книги представляют, по существу, огромные сборники средневековой греческой поэзии и византийская литургическая лирика считалась прозой. Только кардинал Й. Питра, просматривая греческие рукописи богослужебных книг отметил, что в текстах гимнов можно найти строфы и стихи, основанные на одинаковом числе слогов, и даже, что эти стихи в рукописях графически выделяются при помощи интерпункции. Свои открытия кардинал опубликовал в работе *Hymnographie de l'église grecque* (Рим, 1867) где в предисловии, не скрывая удивления, указал список ученых, которые такой „детали“ раньше не заметили. Хотя византинисты сначала относились к открытию Й. Питры скептически, результаты его исследований возбудили более сосредоточенное внимание к византийским гимнам и в течение последующих 2–3 десятилетий возникло несколько существенных работ, посвященных этой теме. Таким образом, в византийской гимнографии удалось не только определить регулярное строфическое членение и силлабические стихи, но разработаны были и другие характерные черты поэтики гимна: акrostихи, парономазии и целый ряд других поэтических фигур, основанных на игре слов и звуков, которые свидетельствовали об изысканности византийских авторов. Картина забытой поэзии греческого средневековья получила острые контуры и А. Баумштарк, следовательно, смог в 1914-ом г. в своей статье о византийской гимнографии опираться не только на кардинала Питру, но и на его последователей.

Совсем иначе дело обстояло с разработкой церковнославянской гимнографии, хотя нельзя сказать, что славянские гимны были целиком неизвестны. Но все-таки, то что славистика того времени знала, хватило бы едва ли для краткого сообщения. Раньше уже писалось, например, о гимнах в честь св. Кирилла и Мефодия, но интерес к этим произведениям не переходил границы их содержания: они понимались только как дополнение к житиям солунских братьев.¹ Известно было, конечно, и большое число других славянских гимнов, но славистика в то время еще не находила в них ничего, что бы возбудило более сосредоточенный интерес

¹ Ср. напр. Кирилло-Мефодиевский сборник изданный М. Погодиным (1865), в котором можно найти сразу несколько статей касающихся гимнографии и гимнографических памятников.

и что бы позволило выделить древние рукописные сборники гимнов из огромного корпуса рукописных памятников письменности славянского средневековья. Существовало уже даже и научное издание славянских литургических миней, богослужебных книг с богатой коллекцией гимнов, опубликованное в 1886-ом году В. Ягичем. Но В. Ягич, изучивший древнейшие точно датированные рукописи миней, видел в минеях прежде всего памятники письма и языка. Более того, его издание вызвало контрпродуктивные последствия, так как Ягич пришел к заключению, что большинство гимнов славянских литургических миней являются переводами произведений византийских авторов и, оценивая уровень этих переводов, он отметил, что здесь нет никаких следов тонкой выработанности, поэтики и остроумия греческой литургической поэзии, другими словами, что, мягко говоря, славянские переводы не такие уж блестящие:

„Славянскіе переводчики ... старались перевести минеи, какъ богослужебныя книги, съ буквальною передачею греческихъ словъ славянски-ми, не заботясь при этомъ нисколько о смыслѣ подлиннаго текста и не задаваясь возстановленіемъ его въ переводѣ. Не обращая вниманія на данный текстъ, какъ на произведение греческой поэзіи, они конечно въ своемъ переводѣ не соблюдали ни размѣра стиховъ ни такихъ поэтическихъ украшеній, какъ акростихи. Поэтичность перевода отражалась развѣ только отчасти въ полетѣ мысли подлинника, насколько онѣ сквозили изъ-за набора славянскихъ словъ...“²

К своей нелестной оценке славянских переводов академик несколько ниже добавляет в таком же строгом тоне, что славянские переводчики рабски придерживались оригинала, так что

„въ ихъ переводѣ нерѣдко происходила путаница, нарушающая смыслъ, котораго такъ и не разберешь безъ помощи греческаго подлинника.“³

Сокрушительный приговор над славянскими переводами гимнов высказанный В. Ягичем, одним из наиболее авторитетных лиц тогдашней славистики, не мог остаться без последствий. Надо ли в таком контексте удивляться тому, что А. Баумшгартк в 1914-ом году не счел нужным заговорить о славянских гимнах в солидной энциклопедии?

* * *

² Ягич, 1886, с. LXXVIII.

³ Ягич, 1886, с. LXXIX.

К первым отзывам на мнение В. Ягича принадлежит научный дебют Р. Якобсона, позже одного из самых признанных филологов 20-го в., статья скромно озаглавленная „Заметка о древне-болгарском стихосложении“, опубликованная в 1923-м г. Здесь Р. Якобсон, со всей почтительностью перед авторитетом академика Ягича, выражает, в связи с его оценкой славянских переводов греческих гимнов, определенные сомнения и предлагает несколько примеров показывающих наоборот мастерство старославянских поэтов. В заключении он подводит итог:

*„Если эти опыты возстановленія стиха, которымъ я придаю значеніе исключительно черновиковъ, въ основѣ своей вѣрны, то можно считать поколебленнымъ обычное утвержденіе, будто «славянскіе переводчики не обращая вниманія на переводимый текстъ, какъ на произведеніе греческой поэзіи, конечно не соблюдали въ своемъ переводѣ размѣра стиховъ» (Ягичъ)“.*⁴

Через некоторое время на пути искания старославянской поэзии появились новые сюрпризы. В 1934-м г. князь Трубетцкой опубликовал коротенькую статью названную „Ein kirchenslavisches Gedicht“, в которой он представил сенсационное открытие: в III-ей главе „Жития Константина“, в тексте известном под названием „Похвала Григорию Назиазину“, который до того читали десятки ученых как прозу, ему удалось определить скрытые силлабические стихи с совершенно симметричным количеством слогов образующих схему 17–16–16–17–16–16–17. Славистика узнала потерянное греческое произведение Константина Философа в старославянском переводе, вне всякого сомнения доказывающем поэтическое мастерство переводчика.⁵

Сразу два сенсационных открытия опубликовал несколько лет спустя Д. Костић в статье „Бугарски епископ Константин – писац службе св. Методију“. Ему удалось в гимнах в честь св. Мефодия найти стихи с метрической основой, тождественной традиции стиха византийской гимнографии, и более того, ему также удалось расшифровать акростих с именем Константина (Преславского) и таким образом неоспоримо доказать, что эти гимны являются оригинальными славянскими произведениями.⁶

* * *

⁴ Якобсон, 1923, с. 354.

⁵ Trubetzkoy, 1934.

⁶ Kostić, 1938.

К большим открытиям в исследовании стиха славянского средневековья принадлежит и статья Р. Якобсона названная „*Танная служба Константина Философа и дальнейшее развитие старославянской поэзии*“, в которой доказывається стихотворный характер литургических молитв Синайского евхология.⁷ Что касается специально поэтики гимна, заслугой Р. Якобсона было, например, определение раньше никем незамеченных силлабических стихов в кирилло-мефодиевских агиографиях, кроме других, и в отрывках гимнов в честь св. Климента Римского, которые дошли до нас в Корсунской легенде. Эти открытия Р. Якобсон опубликовал в люблянской Славистичной ревиі в статье „*Стихотворные цитаты в великоморавской агиографии*“, где, в связи с дальнейшим изучением славянской гимнографии, выражает большой оптимизм и настойчиво призывает к междисциплинарному сотрудничеству. Вот его программные, а может быть несколько даже пророческие, слова:

„Реконструкция дальнейших песнопений Корсунской легенды даст, надемся, более положительные результаты, когда совместными усилиями музыковедов и филологов будет подвергнута систематическому обследованию история славянской литургической поэзии в свете новейших разысканий о музыкальном и словесном ритме византийских церковно-певческих форм. Немало неожиданных находок и открытий ждет научных работников на этом пути. Стихосложение великоморавских памятников книжной и литургической поэзии, развитие обоих жанров в Болгарии X века, духовное песнопение в Чехии X и XI столетий, судьба старославянского стиха у сербов и хорватских глаголитов, наконец эволюция литургического творчества на Руси, таковы насущные вопросы, стоящие перед историками церковнославянского словесного искусства; и почти все это – непочатый край для стиховеда.“⁸

Вопреки тому, что эти слова были написаны почти пол столетия назад, вопрос о стихе гимна в честь Климента Римского (как и вопрос о стихе славянских гимнов вообще) все еще остается открытым. До наших дней нет убедительного решения принципиальной проблемы, почему стихи с силлабической структурой удалось определить лишь в некоторых славянских гимнах. Высказываются различные предположения, но они пока остаются предположениями. Свое неоспоримое значение с точки зрения изучения поэтики старославянских текстов имеет, например, теория изокольных структур и определение ритмических сигналов, обозна-

⁷ Jakobson, 1985, с. 260–276.

⁸ Jakobson, 1985, с. 285.

чающих их границы, небезынтересны и рассуждения о молитвенном стихе.⁹ Много нового в решении этой задачи вносит и сотрудничество с музыковедением и немалое значение имеют и византологические исследования. Важным моментом является, например, заключение, что принцип изосиллабизма – хорошо известный и неоспоримо присутствующий в византийской гимнографии – может нарушаться, а даже, что он нарушается чаще, чем принцип музыкальный – принцип гомотонии.¹⁰ В этом отношении интересны также новейшие исследования Х. Ханника в области теории византийской поэтики и византийской музыкальной традиции.¹¹

* * *

Процитированные выше слова Р. Якобсона о неожиданных находках и открытиях в области гимнографии лучше всего подтверждают результаты новейших исследований иной поэтической константы славянской гимнографии, акростиха. За последние три десятилетия славистике удалось найти целый ряд оригинальных славянских произведений с акростихами, отсылающими к авторам круга кирилло-мефодиевской литературной школы, прежде всего Климента и Константина. Здесь нет места для перечисления всех гимнографических произведений связанных с их творчеством, но нельзя не упомянуть, кажется наиболее важное в этом направлении открытие: акростих, который в полной форме состоял из приблизительно 440 букв, т. е. соединял 440 строф большого цикла гимнов славянской Триоды. Акростих начинается словами *Гранеса добра Константинова* и считается самым большим по размеру акростихом в литературе христианского средневековья.¹² Среди других открытий в этой области, которые за последнее время возбудили интерес славистики, хочется указать еще на акростих в гимнах в честь апостола Андрея, содержащий имя Наума, одного из учеников солунских братьев, о литературном творчестве которого раньше не было известно ничего конкретного. Акростих *Првоаго Хрстова сла хвали нишчини Наѡм* таким образом в определенном смысле вводит в историю литературы нового автора.¹³ В связи с исследованием

⁹ К разным аспектам ср. напр. Тарановский, 1968; Гаспаров, 1973; Naumow, 1984; Vlasek, 1989; Костова, 1991; Филонова-Гоув, 1996.

¹⁰ Флорос, 1964.

¹¹ Ср. напр. Hannick, 1990; 1994.

¹² Попов 1985; Станчев–Попов, 1988; Мошкова 1999; Мошкова–Турилов, 1999 и др.

¹³ Кожухаров, 1984; Иное чтение акростиха предлагает Matejko, 1998.

акростиа больших успехов было достигнуто также в исследовании древнеболгарской, древнесербской и древнерусской гимнографии.¹⁴

Итак, по количеству новых находок и по мере их значимости, гимнография занимает в современной палеославистике самое первое место и неожиданные сюрпризы приносит даже изучение „хорошо“ известных памятников. Следы „темного“ прошлого в истории изучения древних славянских литератур все-таки остаются. К ним принадлежит, например, специальная библиография советских работ по литературе 11–17-го вв. за 1917–1957 гг., где в предметном указателе читатель не найдет ни единого указания, которое можно было бы связать с гимнографией, не считая, правда, „Службу кабаку“, пародию на литургические гимны 17-го в.¹⁵ Подобное положение отражает и ряд синтетических работ по истории русской литературы. Красноречивым примером „забвения“ исследователями гимнографии является трехтомная академическая История русской литературы, где гимнографии Киевской Руси отводится один абзац и которая ссылается только на один рукописный памятник – выше упоминаемые Новгородские минеи изданные Ягичем в конце прошлого столетия.¹⁶ Немного лучше обстоит дело с академической Историей русской поэзии, „первым опытом“ системного изложения развития русской поэзии, где в главе, посвященной книжной поэзии Древней Руси, кое-что о гимнографии встречается, но по неизвестным причинам, больше места все-таки занимает фольклорная, т. е. некнижная поэзия.¹⁷ Такое положение в конце концов не должно вызывать удивления: целым поколениям русских историков литературы видимо приходилось обходиться без гимнографии, если судить по наиболее авторитетной хрестоматии древнерусской литературы Н. К. Гудзия, которая издавалась десятилетиями в огромных тиражах и в которой нет ни одного произведения гимнографии.¹⁸

„Забвение“ гимнографии оставило следы и в фундаментальных трудах исторического языкознания. Целиком без гимнографии обошлись, например, создатели современного пособия по истории русского синтакси-

¹⁴ Ср. напр. Кожухаров, 1974; Янковска, 1984 и др.

¹⁵ Библиография, 1961.

¹⁶ Ср. История, I, 1958, с. 31 и 658, прим. 8.

¹⁷ Ср. История, I, 1968, с. 26-33.

¹⁸ Ср. напр. Гудзий, 1955. Подобная судьба встретила гимнографию и в учебниках древнерусской литературы. Ср. напр. Кайев, 1958. Скудные сведения о гимнографии ср. напр. в учебнике изданном под ред. Д. С. Лихачева – История, 1985.

са, где в списке источников нет ни одного памятника гимнографии.¹⁹ Спорадические языковедческие анализы гимнографических памятников притом ясно показывают, что они представляют чрезвычайно богатый материал для исторической фонетики, морфологии, синтаксиса и стилистики.²⁰ Поразительно также, сколько современных и признанных славистических пособий путает гимнографию с агиографией и заменяет литургические минеи, в которых имеют свое место гимны, минеями-четьями, в которых – жития святых. Такую ошибку трудно понять, особенно если речь идет о Новгородских минеях, общедоступных в издании Ягича, но точно такая ошибка прокралась не в один учебник. Её не смогли избежать ни *Staroslověnština* Р. Вечерки, ни *Старославянский язык* Т. А. Ивановой, ни *Историческая грамматика русского языка* В. И. Борковского и П. С. Кузнецова.²¹ Её не избежала ни *Историческая грамматика русского языка* В. В. Иванова, который в обзоре важнейших источников по истории русского языка еще увеличивает диапазон возможных заблуждений, характеризуя хорошо известные Новгородские минеи двумя предложениями с тремя вещественными ошибками.²²

* * *

Одним из результатов открытий последних десятилетий, возбудивших сосредоточенный интерес к изучению гимнографии, является и то, что сегодня уже без статей о славянской гимнографии едва ли можно представить себе, например, новейший синтез современной славянской филологии издаваемый в Болгарии под названием „*Кирило-Методиевска енциклопедия*“. С удовольствием можно констатировать, что славянская гимнография имеет свое место даже в энциклопедических пособиях, превосходящих по своему охвату рамки славистики и, кстати, не менее солидных, чем в свое время была энциклопедия Хестингса. К ним принадлежат, например, *Lexikon des Mittelalters*, новая *Theologische Realenzyklopädie* ?e Грүйтера или же *The New Grove Dictionary of Music and Musicians*. Вопреки этому, изучение славянской гимнографии, видимо, все еще в начале. Обещанием лучшего будущего, будем надеяться, является

¹⁹ Историческая грамматика, 1979. Более подробно к использованию гимнографических текстов напр. в лексикографии ср. Мурьянов, 1981, с. 94.

²⁰ Ср. напр. Карнеева, 1916, 1917-1918; Комарович, 1926; Марков, 1962, 1968; Нечунаева, 1978; Обнорский, 1924; Успенский, 1973.

²¹ Ср. Вечерка, 1984, с. 16; Иванова, 1977, с. 13; Борковский - Кузнецов, 1965, с. 18.

²² Иванов, 1983, с. 22 и сл.

в этом отношении многотомное научное издание древнерусских литургических миней – результат сотрудничества немецких и российских славистов и своеобразное продолжение Ягичева труда.²³

Использованная литература:

- Floros, C.:** Fragen zum musikalischen und metrischen Aufbau der Kontakien. In: Actes du XIIe Congrès International d'Etudes Byzantines. Ochrid 10-16 Sept. 1961. T. II. Beograd 1964, с. 563-569.
- Hannick, Ch.:** Reference Materials on Byzantine and Old Slavic Music and Hymnography. In: Journal of the Plainsong & Medieval Music Society, 13, 1990, с. 83-89.
- Hannick, Ch.:** Early Slavic Liturgical Hymns in Musicological Context. In: Ricerche Slavistiche, XLI, 1994, с. 9-30.
- Jakobson, R.:** The Slavic Response to Byzantine Poetry. In: Roman Jakobson. Selected Writings. VI. Early Slavic Paths and Crossroads. Part One. Comparative Slavic Studies. The Cyrillo-Methodian Tradition. Berlin - New York - Amsterdam 1985, с. 240-259.
- Jakobson, R.:** *Танная служба* Константина Философа и дальнейшее развитие старославянской поэзии. In: Roman Jakobson. Selected Writings. VI. Early Slavic Paths and Crossroads. Part One. Comparative Slavic Studies. The Cyrillo-Methodian Tradition. Berlin - New York - Amsterdam 1985, с. 260-276.
- Jakobson, R.:** Стихотворные цитаты в великоморавской агиографии. In: Roman Jakobson. Selected Writings. VI. Early Slavic Paths and Crossroads. Part One. Comparative Slavic Studies. The Cyrillo-Methodian Tradition. Berlin - New York - Amsterdam 1985, с. 277-285.
- Kostić, D.:** Бугарски епископ Константин – пиџац службе св. Методију. In: Byzantinoslavica, VII, 1937-1938, с. 189-211.
- Matejko, E.:** K poézii Zlatého veku. In: Slovensko-bulharské jazykové a literárne vzťahy. Bratislava 1998, s. 25-31.
- Naumow, A. E.:** O sposobach istnienia najdawniejszej poezji ruskiej, In: O poezji rosyjskiej. Od pieśni ludowej i poezji staroruskiej do liryki nowożytnej i współczesnej. (=Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego DCLXVIII. Prace historycznoliterackie. Zeszyt 49.) Warszawa - Kraków 1984, s. 65-74.
- Rothe, H. - Vereščagin, E. M. (ed.):** Gottesdienstmännum für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften der Rus' des 12. und 13. Jahrhunderts. Facsimile der Handschriften CGADA, F. 381, Nr. 96 und 97. (=Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B. Editionen. Neue Folge, Bd. 1-16.) Köln - Weimar - Wien - Böhlau 1993.

²³ Rothe-Vereščagin, 1993–.

- Trubetzkoy, N.:** Ein altkirchenslavisches Gedicht, In: Zeitschrift für slavische Philologie, XI, 1934, с. 52-54.
- Veřerka, R.:** Staroslověština. Praha 1984.
- Vlášek, J.:** Poetika počátků staroslověnské literatury. In: Historická poetika slovan-ských literatur. Praha 1989, s. 1-6.
- Библиография советских русских работ по литературе XI-XVII вв. за 1917-1957 гг.** Сост. Н. Ф. Дробленкова. Москва-Ленинград 1961.
- Гаспаров, М. Л.:** Оппозиция „стих-проза“ и становление русского литературного стиха. In: Semiotyka i struktura tekstu. Studia poswiecone VII Międzynarodowemu kongresowi slawistów. Wrocław 1973, s. 325-335.
- Гудзий, Н. К.:** Хрестоматия по древней русской литературе XI-XVII веков. Москва 1955⁶.
- Историческая грамматика русского языка. Синтаксис.** 1. Простое предложение. 2. Сложное предложение. Под ред. В. И. Борковского. Москва 1979.
- История русской литературы Т. I.** (Литература XI-XVIII веков.) Редколлегия В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев etc. Москва-Ленинград 1958.
- История русской литературы XI-XVII веков.** Под ред. Д. С. Лихачева. Москва 1985².
- История русской поэзии в двух томах. Том первый.** Ленинград 1968.
- Иванов, В. В.:** Историческая грамматика русского языка. Москва 1983².
- Иванова, Т. А.:** Старославянский язык. Москва 1977.
- Кайев, А. А.:** Русская литература. Москва 1958³.
- Карнеева, М.:** Язык служебной минеи 1095 г. In: Русский филологический вестник, т. 75, 1916, ? 1-2, с. 158-168; ? 3, с. 120-128; т. 78, 1917-1918, ? 3-4, с. 23-45.
- Кирилло-мефодиевский сборник.** В память о совершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России, изданный, по определению Московского общества любителей русской словесности, М. Погодиным. Москва 1865.
- Кожухаров, С.:** Търновска книжовна школа и развитието на химничната поезия в старата българска литература. In: Търновска книжовна школа. Т. 1. София 1974, с. 277-309.
- Кожухаров, С.:** Песенното творчество на старобългарския книжовник Наум Охридски. In: Литературна история, 1984, 12, с. 3-19.
- Комарович, В. А.:** Язык служебной октябрьской минеи 1096 г. In: Известия ОРЯС, т. 30, 1926, с. 23-44.
- Костова, К.:** Ритмични схеми в Синайския евхологий. In: Кирило-Методиевски студии, кн. 8, 1991, с. 121-138.
- Марков, В. М.:** Язык минеи из собрания Дубровского. (XI в.) In: Вопросы теории и методики изучения русского языка. Вып. 2. Чебоксары 1962, с. 435-457.
- Марков, В. М.:** Путятина минея как древнейший памятник русского письма. In: Slavia, 37, 1968, с. 548-564.

- Мошкова, Л. В.:** Гимнографические произведения Климента Охридского (структурно-содержательные особенности). In: Славяноведение, 1, 1999, с. 5–21.
- Мошкова, Л. В. - Турилов, А. А.:** Неизвестный памятник древнейшей славянской гимнографии (Канон Климента Охридского на Успение Богородицы). In: Славяноведение, 2, 1999, с. 24–36.
- Мурьянов, М. Ф.:** О работе И. В. Ягича над служебными минеями 1095-1097 гг. In: Вопросы языкознания, 1981, 5, с. 93-105.
- Нечунаева, Н. А.:** Типы словообразовательных разночтений в древнерусских майских минеях. In: Вестник ЛГУ. История, язык, литература. No. 2. Вып. 1. Ленинград 1978, с. 105-114.
- Обнорский, С. П.:** Исследование о языке Минеи за ноябрь 1097 г. In: Известия ОРЯС, т. 29, 1925, с. 167-226.
- Попов, Г.:** Триодни произведения на Константин Преславски. (= Кирило-Методиевски студии. Кн. 2.) София 1985.
- Станчев, К. - Попов, Г.:** Климент Охридски. Живот и творчество. София 1988.
- Тарановский, К.:** Формы общеславянского и церковнославянского стиха в древнерусской литературе XI-XIII вв. In: American Contributions to the Sixth International Congress of Slavists, Prague 1968. Vol. I. Linguistic Contributions. (=Slavistic Printings and Reprintings 80.) Hague-Paris 1968, с. 377-394.
- Успенский, Б. А.:** Древнерусские кондакари как фонетический источник. In: Славянское языкознание. Международный съезд славистов. Москва 1973, с. 314-346.
- Филонова-Гоув, А. А.:** Древнеславянский перевод византийских литургических гимнов и соотношение церковных песнопений с русской поэзией XX в. In: Славянский стих. Стихovedение, лингвистика и поэтика. Материалы международной конференции 19-23 июня 1995 г. Под ред. М. Л. Гаспарова, Т. В. Скулачевой. Москва 1996, с. 116-121.
- Ягич, В.:** Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095-1097 г. (= Памятники древнерусского языка. I.) С.-Петербург 1886.
- Якобсон, Р.:** Заметка о древне-болгарском стихосложении. In: Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук 1919 г. Тома XXIV-го книжка 2-я. Петроград 1923.
- Янковска, Л. А.:** Поэтические формы византийской гимнографии в литургических произведениях Пахомия Серба. In: O poezji rosyjskiej. Od pieśni ludowej i poezji staroruskiej do liryki nowożytnej i współczesnej. (=Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego DCLXVIII. Prace historycznoliterackie. Zeszyt 49.) Warszawa - Kraków 1984, s. 85-98.